

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

V.F. Lapshin

SOCIAL GROUNDS FOR DETERMINATION OF CRIMINAL ACT'S SIGNS OF PUBLIC DANGER

В современной уголовно-правовой науке до настоящего времени остается нерешенной проблема оснований для признания деяния преступлением. Многие исследователи считают аксиоматичным утверждение о том, что деяние, включаемое в уголовный закон, должно быть общественно опасным. Именно это свойство позволяет законодателю принять положительное решение о включении в Особенную часть УК нормы, которая устанавливает уголовную ответственность за совершение соответствующего посягательства на общественные отношения.

Определение общественной опасности деяния, а также разграничение преступного и не преступного поведения вызывают споры в научной литературе [1; 2]. Некоторыми исследователями в качестве оснований для криминализации деяния назывались: типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень опасности лица, совершившего преступление [3], обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность [4; 5], форма вины [6].

Думается, что данные суждения либо страдают неполнотой решения вопроса об основаниях дифференциации, либо, наоборот, представляют собой смешение оснований и для дифференциации, и для индивидуализации уголовной ответственности. В частности, типовая степень общественной опасности является производной от качественной характеристики – характера общественной опасности. В этой связи непризнание характера общественной опасности деяния в качестве основания для дифференциации и юридической, и уголовной ответственности может вызывать только недоумение. Форма вины, в сущности, является категорией, характеризую-

щей общественную опасность, хотя законодатель признает ее самостоятельность как признак преступления (ч. 1 ст. 14 УК). Что же касается конкретных обстоятельств дела, влияющих на выбор вида и размера наказания, то их целесообразней отнести к средствам индивидуализации уголовной ответственности, поскольку они не носят объективного с точки зрения закона характера и имеют юридическое значение только в отдельно взятом уголовном деле.

Вопрос об основаниях дифференциации ответственности ни в коей мере нельзя сводить лишь к проблеме, имеющей сугубо теоретическое значение. Отсутствие строгих социально обоснованных критериев определения преступности деяния ведет к неоправданному дополнению УК нормами, устанавливающими ответственность за такие деяния, уголовная наказуемость которых сомнительна. К сожалению, этот процесс «отягощения» и «засорения» уголовного законодательства был начат достаточно давно. Неоправданно долго существовали в уголовном законе такие преступления, как оскорбление (ст. 130 УК), обман потребителей (ст. 200 УК), по-прежнему остаются в Особенной части УК клевета (ст. 128¹ УК), неквалифицированное воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 169 УК) и некоторые другие, ответственность за совершение которых, как представляется, вполне могла бы быть реализована посредством применения норм иных отраслей права [7].

Процесс декриминализации деяний, общественная опасность которых явно не соответствует преступлению, осуществляется крайне медленно. В то же время, тенденции изменения уголовного законодательства свидетельствуют об обратном. За последние годы УК дополнен такими видами общественно опасных посяга-

¹ Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России.

© Лапшин В.Ф., 2016.

тельств, которые, в сущности, сравнимы с дисциплинарным или административным правонарушением: ст. 138¹, 170², 171², 172¹ УК и др.

Возникновение данной ситуации спровоцировано, в том числе, отсутствием четких критериев определения общественной опасности преступления как основания для дифференциации ответственности. В современной литературе можно найти достаточное количество примеров обоснований наличия общественной опасности деяния, уже закрепленного соответствующей нормой Особенной части УК [8; 9; 10]. При этом ситуация представляется довольно странной: изначально деяние закрепляется в уголовном законе, после чего в литературе констатируется или обосновывается наличие общественной опасности [11, с. 229]. При таком подходе определения общественной опасности даже самые безобидные правонарушения: парковка в неположенном месте, безбилетный проезд в общественном транспорте и т.п. теоретически вполне могут быть признаны преступными, если будут включены в УК. Таким образом, для исключения возможности уголовно-правовой регламентации деяний, достаточность общественной опасности которых сомнительна, следует решить проблему определения основания дифференциации ответственности, наступающей за совершение любого вредоносного посягательства. Общественная опасность деяния, претендующего на получение уголовно-правовой регламентации, «должна быть выявлена основательно и грамотно. Разумеется, в каждом случае такая задача требует особого анализа» [11, с. 232].

Данный вопрос, несмотря на свою значимость для правотворческого процесса, не получил в теории уголовного права однозначного решения. Определить те социальные критерии, которые были бы положены в основу разграничения преступного и непроступного общественно опасного деяния, достаточно сложно. Решение данной проблемы видится в определении тех ценностей, которые признавались бы любым обществом на любой стадии развития. При этом следует учесть, что одни и те же поступки людей в разное время воспринимались весьма неоднозначно: конструирование машин, увеличивающих производительность труда человека, по законам Древней Греции признавалось преступлением, которое влекло за собой лишение гражданства и изгнание; торговля рабами и крепостными крестьянами являлась обыденным явлением при рабовладении и феодализме; предпринимательская деятельность рассматривалась в качестве уголовно наказуемого посягательства

на экономические основы Советского государства и т.д.

В этой связи можно предположить, что только религиозные постулаты – заповеди Закона Божьего, суры Корана и хадисы Сунны, наставления Панча Ши́ла и проч. – как раз и являются той непререкаемой основой построения любых общественных отношений в любое время без исключения. Идеи о непосредственном влиянии религиозных учений на формирование содержания норм светского права высказывались А.А. Тер-Акоповым, который считал, что ряд основополагающих принципов христианского вероучения имеет существенное влияние на государственную политику противодействия преступности [12]. А.И. Бойко также отмечает, что религиозные постулаты давно и прочно вошли в дух и плоть светского уголовного права, но их возможности в настоящее время далеко не исчерпаны [13, с. 83].

Безусловно, что видов религий с древнейших времен и по настоящее время существовало и существует великое множество. При этом у одного вида вероисповедания могут быть диаметрально противоположные установки-требования к верующим. В этой связи сразу следует оговориться: здесь имеются в виду только те виды религий, учения которых доказали свою состоятельность временем. Величайшие мировые религии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм, исповедующие любовь и добро к ближнему вне зависимости от его религиозных убеждений, содержат требования к поведению человека, которые принимаются за основу существования любого общества. Это является гарантией жизнеспособности общественной формации, принявшей соответствующее религиозное учение. И, наоборот, история социально-этнических групп и конфессий, исповедующих и поощряющих насилие, как правило, является недолгой. Они неизбежно прекращают свое существование в результате осуществляемой борьбы «со всеми против всех».

Требования к поведению каждого человека, которые предъявляются указанными мировыми религиями, являются идентичными и не зависят от вида религиозного учения. Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, об универсальности этих правил, а с другой, – о действительно высокой общественной опасности деяний, связанных с нарушением Высшего закона. Например, в христианстве существует десять заповедей Закона Божьего, из которых первые четыре устанавливают правила отношения к религии (любовь к Богу), а остальные шесть фактически являются правилами поведе-

ния в обществе (любовь к ближнему). В частности, к последним относятся следующие заповеди: почитай отца и мать (пятая заповедь); не убивай (шестая заповедь); не прелюбодействуй (седьмая заповедь); не воруй (восьмая заповедь); не лжесвидетельствуй (девятая заповедь); не завидуй (десятая заповедь) [14, с. 578–584].

Нарушение любой из заповедей Закона Божьего является тягчайшим грехом, который влечет за собой суровое возмездие. Например, в случае оскорбления, нанесенного отцу или матери, виновный, в соответствии с Ветхим Заветом, наказывается смертной казнью [12, с. 578]. Аналогичные заповеди-запреты содержатся и в Священных книгах, представляющих собой своды постулатов иных мировых религий [14; 15].

Религиозные заповеди трактуются достаточно широко. Так, например, требование о почитании отца и матери фактически распространяется на значительный круг лиц, которые могут и не иметь кровного родства с представителем молодого поколения: священнослужители, учителя, руководители и иные люди, способные дать мудрый совет или наставление в силу имеющегося у них жизненного опыта. Содержание заповеди «не убий» заключается не только в запрете на какое бы то ни было причинение смерти другому человеку, но и в недопустимости самоубийства, доведения до самоубийства и жестокого обращения с ближними. Согласно положениям Закона Божьего, этот запрет распространяется и на лиц, которые непосредственно не лишали жизни другого человека: недобросовестный судья; лицо, скрывающее преступника от правосудия, и др.

Таким образом, в основе признания общественной опасности деяния, заслуживающего уголовно-правового реагирования, должно иметь место нарушение хотя бы одного из перечисленных религиозных запретов [13, с. 84], длительность существования и всеобщность признания которых обеспечивают бесспорность установления преступности соответствующих видов поведения.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 110–111.
2. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969. – С. 69–70.
3. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М., 2000. – С. 56.
4. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск, 1989. – С. 38.
5. Чугаев А.П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. – Краснодар, 1979. – С. 7.
6. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2014. – С. 21.
7. Пояснительная записка к проекту № 953369-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.04.2016).
8. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб., 2003. – С. 34.
9. Лупарев Д.А. Общественная опасность как объективное свойство преступных последствий // Российский следователь. – 2007. – № 5. – С. 13–14.
10. Малков В.П. Характер и степень общественной опасности преступлений в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция. – 2008. – № 9. – С. 41.
11. Жалинский А.Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния // Избранные труды : в 4 т. – Т. 2. Уголовное право. – М., 2015. – С. 229.
12. Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право. – М., 2000. – С. 11–12.
13. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. – М., 2010. – С. 83.
14. Закон Божий / сост. протоиерей Серафим Слободской. – Сергиев Посад, 1994. – С. 578–584.
15. Максуд Р. Ислам. – М., 2000. – С. 190–198.
16. Эррикер К. Буддизм. – М., 2000. – С. 17–19.